

ua/novyny/presa-pro-nas/141-misto-tse-meshkantsi-yak-lviv-iany-buduiut-skvery-i-riatuiut-pam-iatky-ne-chekaiuchy-vlady#

10. Eve Blau and Ivan Rupnik. «Project Zagreb. Transition as Condition, Strategy, Practice».
11. New York: Oxford University Press, 1979. — 551 с. ISBN-13 978-0-19-502402-9. Электронный источник <http://www.twirpx.com/file/822472/>
12. The City in History: Its Origins, Its Transformations, and Its Prospects is a 1961 National Book Award winner by American historian Lewis Mumford.

УДК 72.01

С. А. Шубович

АРХЕТИП КАК АРГУМЕНТ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДА

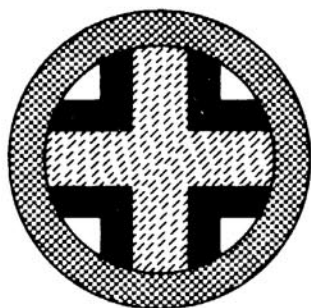
Работа посвящена проблеме соотношения архетипического и исторического (рационального) в градостроительстве. Актуальность темы обусловлена тем кризисом, который переживают архитектура и градостроительство, и все большим интересом профессионалов к теме поэтики архитектуры, вскрывающей ее глубинные психологические (архетипические) аспекты. Работа опирается на исследования автора и работы авторов, указанных в тексте.

Устойчивое развитие города базируется на стабильных явлениях, закрепленных в его прошлом. Прогнозирование будущего методологически опирается на аналогию с прошлым опытом и экстраполяцию прошлых явлений в будущее. Однако постичь прогностику города сложно, так как здесь приходится иметь дело не только с техническими явлениями, которые поддаются количественному исчислению, но и с такими явлениями общественного характера, которые измерить зачастую не удастся. К таким явлениям относится, в частности, восприятие среды человеком, ее метафоризация и соотношение с собственным «я»; т. е. то, что К. Линч называет самоотождествлением. В этом смысле современная архитектурная наука только начинает открывать для себя и принимать на профессиональном уровне разработки в иных профессиональных сферах. В частности, это касается отношения к гуманитарным аспектам личности, к проблематике скрытых мотиваций, основанных на глубинных пластах психики, к проблеме философского осмысления среды жизнедеятельности личности, которая формировалась исторически и в которой наравне с преобразующей мир культурной динамикой существует закрепленная архетипами статика культурных традиций.

Эта архетипическая статика или, по К. Юнгу, «коллективное бессознательное», во многом обуславливает поведенческие процессы, систему предпочтений и практически всю художественно-творческую деятельность человека и общества. Учитывая это, литературоведческая традиция ввела в оборот мысль о наличии в сюжетах самых разных произведений, отделенных друг от друга целыми эпохами, неких общих черт. Эта общность уходит корнями в древнейшие образы, закрепленные сюжетами мифов. Она модифицируется в соответствии с требованиями

и представлениями своего времени, но при этом сохраняет память о породившей ее схеме. Литературовед Дж. Уайт называет эти схемы, проявляющиеся в произведениях, далеких от собственно мифа, «вековыми образами».

Архитектура, наделенная собственной поэтикой, безусловно, обладает и собственными «вековыми образами», которые особенно ярко вспыхивают в кризисные периоды истории. «Архитектура рождается лишь с началом истории», пишет Г. Ревзин [1, с. 22]. Однако она с поразительной последовательностью воспроизводит формы доисторические, которые моделируют доисторические (мифологические) представления человека: «...архитектура всей своей поэтикой принадлежит миру Космоса, а не истории... Парадокс заключается в том, что этот Космос осуществляется лишь на фоне истории» [1, с. 22–23]. Кольцо, крестообразное пересечение, квадрат или ромб — формы, изначально описывающие пространство, ставшие его моделями, лежат в основе практически любого города, начиная задолго до римских кардо и декуманос и заканчивая современными кольцевыми магистралями, в которые градостроители все еще стараются втолкнуть город. Подобные образы свидетельствуют о стойкости архетипической модели в сознании человека. Одним из «вековых образов» в архитектуре стал образ идеального города, преобразуемый в соответствии с эпохой. Его модель, уходящая к «небесному городу» Месопотамии, как правило, на каждом этапе связывалась с социальными установками воспроизводивших ее людей, которые переносят на город «небесный регламент» и, соответственно, регламент земной власти. Подобные космогонические архетипы «рая на земле» находят в фаланстере Фурье, в городе-саде Э. Говарда, в Брокадер-сити Ф. Л. Райта, проектах Э. Энара [2, с. 72]. Той же идеей вдохновляются мастера советского авангарда. «Град божий» Августина, «Справедливый град» Авиценны или «Город Солнца» Кампанеллы возникает в «Лучезарном городе» Н. Милютина, «Городе Солнца» И. Леонидова, существует в скрытом виде в идеях «города будущего», «соцгорода» и других порождениях культуры авангарда.

Египетский знак города

Генеральный план Харькова 2003 г.

На протяжении последних десятилетий меняется отношение к проблеме философского осмысления среды жизнедеятельности человека-личности; личности, которая формировалась исторически и в которой наравне с преобразующей мир культурной динамикой существует закреплённая архетипами статика традиций. О значимости этих традиций говорит устойчивость образа идеального города или «города-сада» в градостроительных концепциях.

В 19-м–20-м вв. идеальные центрические композиции Филарете и Спекле все еще продолжают жить в архитектурных утопиях Фурье и Говарда, в Брокадерсити Ф. Л. Райта, проектах Э. Энара, «Лучезарном городе» Ле Корбюзье, проекте «Большой Москвы» С. Шестакова. В рамках трансформации архетипической схемы можно рассматривать и радиально-кольцевую схему Харькова И. Ф. Войткевича (1925–29 гг.).

С 1920–30 гг. на первое место выходит фактор движения и связанная с ним проблема «циркуляции», обуславливающей комфортное расселение.

Мчящиеся поезда, еще недавно вызывавшие негативные подсознательные эмоции («К нему ползет трехглазая змея /Своим единственным стальным путем», писал А. Блок) становились с развитием промышленной экономики определяющими в развитии города, а следовательно, принимались положительно. Футуристические концепции уже не мыслились без скорости мчящихся составов, летящих самолетов, радио и т. д. Проблема «циркуляции» рассматривалась как обуславливающая комфортное расселение и доступность культурных центров. А. Л. Эйнгорн в 1930 г. писал: «расселение нужно измерять не километрами, имея в виду развитие транспорта, а минутами. Что важнее, отдаление на 10–15 минут от производства или отдаление от культурных ценностей города?» [3].

В духе всеобщего увлечения Ф. Ланг снимает в 1926 году фильм «Метрополис», где действуют электропоезда «подземки», управляемые азростаты, вращающиеся эллинги и другие чудеса техники. Реализацию плана такого идеального города, где движутся сотни тысяч автомобилей, бесшумные грузовики и общественные «электробусы», предлагает в своей книге В. Н. Семенов. Этот проект города развивает вечную идею об идеальном городе, городе-саде или «небесном граде», появлявшуюся периодически в разные эпохи и наделявшуюся разным содержанием, в зависимости от социальных предпочтений.

Город, отрицавший динамику движения, должен был превратиться в «город-сад», построенный на движении. Технически совершенный город небоскребов и рустикальный город-сад объединялись в одном организме в проектах Ле Корбюзье (1922–1925) и теоретических идеях А. Щусева (1926), который утверждал: «Такая планировка способствует высшему пониманию города как целого». Деурбанистические идеи, оправданные транспортной доступностью, разрабатывает Н. Марковников, говоря о «той победе над расстоянием, которая... одержана современной техникой...». То же утверждает Ф.-Л. Райт, говоря о преодолении современным человеком пространств американских прерий. При этом идеалом еще долго оставалась модель центрического города, уходящая к традиционной теме кольца. М. Гинзбург писал по поводу всеобщего увлечения: «Говардовский идеал не отстал ли от современности не меньше, чем на десяток лет...?». Однако даже город-символ новой эпохи — Москва по-прежнему виделась градостроителям как

«завтрашний город... — громадный и солнечный город-сад с величественными общественными дворцами в центре» [4, с. 50].

Развитие промышленного производства формировало новую философию города. В результате идею схождения мира к центральной точке заменила идея «потока жизни», давшая схему линейного города. Но и в этих условиях «Град божий» Августина или «Город Солнца» Кампанеллы возникают в «Лучезарном городе» Н. А. Милютина, «Городе Солнца» И. Леонидова, существуют в скрытом виде в идеях «города будущего», «соцгорода» и др. «Идеальная» схема Харькова тоже оказалась преобразованной строительством ХТЗ и промышленно-селитебной зоны на юго-восточном выходе из города.

Однако миф кольца не ушел окончательно. Эстетически упорядочивающая сила кольцевой линии и сейчас властно вторгается в современное предельно рационализированное градостроительное мышление, порождая порой архаические конструкции в градостроительных решениях. В данном случае срабатывает парадокс художественной формы, основанной на культурном архетипе. Таким образом, обращение к тому, что понято и принято человеком на протяжении истории, дает возможность понять, что архитектура, преобразовывая среду, обеспечивает на всех этапах ее экзистенциальное обживание.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ревзин Г. И. Очерки по философии архитектурных форм. — М.: ОГИ, 2002. — 144 с.
2. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. — М.: Стройиздат, 1986. — 264 с.
3. Эйнгорн А. Л. Экономика жилищного строительства. — Харьков, 1930.
4. Лопатин П. Город настоящего и будущего. — М., 1925.

УДК 727.1:061.22

Г. Л. Ковальська

МІСТОБУДІВНІ ПРОБЛЕМИ ФОРМУВАННЯ МЕРЕЖІ НАВЧАЛЬНО-ВИХОВНИХ ЗАКЛАДІВ

Згідно законодавства структура освіти в Україні включає: дошкільну освіту, загальну середню освіту, позашкільну освіту, професійно-технічну освіту, вищу освіту, післядипломну освіту, аспірантуру, докторантуру, самоосвіту. В статті розглядаються заклади дошкільної та загальної освіти, найбільш розповсюджені в забудові населених пунктів, які потребують значних територіальних ресурсів та суттєво впливають на містобудівні якості забудови житлових районів.

Доцільність виховання дітей в дошкільних закладах підтверджена багаторічною вітчизняною та зарубіжною практикою. За радянських часів матеріальний фонд дитячих дошкільних закладів (ДДЗ) забезпечував охоплення біля 70 % дітей дошкільним вихованням. В кожному мікрорайоні, згідно з нормативами, розмі-